

В. Ю. Балабонкина

РОМАН Д. Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКОГО «КНЯЖНА МАРИЯ МЕНЬШИКОВА» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 30-Х ГГ. XIX ВЕКА.

Отмечая бурный рост числа исторических романов в современной ему литературе, А. С. Пушкин в начале 30-х годов констатирует: «Вальтер Скотт увлѣк за собой целую толпу подражателей! [6, 40]<...> Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности» [5, 34]. Справедливость этих метких наблюдений многократно подтверждена учёными, обратившимися к творчеству М. Загоскина и И. Лажечникова, Ф. Булгарина и Н. Полевого. За пределами исследовательского внимания остался тот факт, что в русской романтической литературе того времени появлялись произведения, в которых печать влияния «шотландского чародея» едва ощутима, чьи авторы шли собственным путём в решении задачи художественного воссоздания исторического прошлого. К числу таковых стоит отнести роман «Княжна Мария Меншикова», единственная публикация которого состоялась в 1833 году. Произведение это, до сих пор не стало объектом специального литературоведческого анализа, не упоминалось оно и в обзорных статьях, монографических работах обобщающего характера о русском историческом романе первой половины XIX века. Между тем, роман, принадлежащий перу известного историка и археографа, «позволяет говорить о бесспорном художественном даровании Бантыш-Каменского, развитию которого он добровольно предпочёл стезю учёного» [3, 154]. В пользу актуальности обращения к этому забытому произведению свидетельствует ещё и возможность существенно дополнить традиционную картину развития жанра исторического романа указанного периода, реконструированную И. П. Щерблыкиным [7] и С. М. Петровым [4], показать сколь сложными, многообразными и разнонаправленными были творческие поиски русских беллетристов. Кроме того, интересен сам эстетический феномен исторического романа, произведения художественного, написанный профессиональным учёным-историком.

Как известно, ещё В. Г. Белинский в качестве отличительной черты всякого романа, написанного по вальтер-скоттовскому типу, отмечал «соединение исторических событий с частными происшествиями», причём «роман отказывается от изложения исторических фактов и берёт их только в связи с частным событием, составляющим его содержание» [6, 40]. В соотношении «историческое – вымышленное», последнее играет важную роль, история же является своеобразным фоном, на котором разворачивается частный сюжет из жизни вымышленных персонажей. Д. Н. Бантыш-Каменский иначе соотносит эти понятия в своём историческом романе. Он повествует о трагической судьбе исторической героини – юной дочери всесильного

временщика А. Д. Меньшикова, ставшей невинной жертвой непомерного властолюбия и гордыни собственного отца, погибшей в пучине дворцовых интриг и борьбы партий. Личная трагедия княжны Марии – лишь часть грандиозного придворного действия, с предельной, фактографической точностью описанного в романе. Исторические события уже не фон для занимательного повествования, это узловые события сюжета, они властно вторгаются в жизнь героини и определяют её будущее.

Четырнадцатилетняя княжна, которую «природа одарила неописанными прелестями» [1, 13], обручена с сыном Бобруйского старосты польским графом Петром Сапегой. Выбор Меньшикова не случаен – Сапега-отец должен помочь ему сделаться Герцогом Курляндским. Далёкие от политических соображений родителей, молодые люди искренно любят друг друга, сама императрица Екатерина одобрила сей брак, пожаловав жениха чином Действительного Камергера и орденом Св. Александра Невского. Но события при русском дворе развиваются стремительно – государыня умирает, на престол взошёл Великий Князь Пётр Алексеевич и родство с Сапегами уже не льстит всесильному вельможе. «И вскоре там, где раздавались радостные клики, где любовь торжествовала свою победу, надежда усыпала цветами путь к брачному алтарю, полились слёзы, водворилась печаль», – читаем в романе [1, 54]. Духовное завещание почившей императрицы, к составлению которого, несомненно, приложил руку Меньшиков, гласит: «За отличные заслуги, оказанные покойному Супругу Нашему и Нам самим, Князем Меньшиковым, Мы не можем явить большего доказательства Нашей к нему милости, как возводя на Престол Российский одну из его дочерей, и потому приказываем <...> главнейшим Нашим вельможам содействовать к обручению Великого Князя с одною из дочерей Князя Меньшикова, и коль скоро достигнут они совершеннолетия, к сочетанию их браком» [1, 64]. Именно княжне Марии, по замыслу её отца, и уготована роль царской невесты. Послушная дочь подчиняется воле родителя и увещаниям архиепископа Феофана Прокоповича. Но не дремлют многочисленные враги Меньшикова, ставшего при юном императоре фактическим правителем империи. Они «беспрестанно повторяли Петру, сколь опасна для всего государства чрезмерная власть подданного, гибельны будут родственные его связи с Государём» [1, 104]. Как результат – велено Меньшикову «ехать в Раниенбург, город, им самим выстроенный (находящийся в Рязанской губернии) и, с лишением чинов и знаков отличий, жить там безвыездно, под неусыпным надзором...» [1, 110]. Вскоре опальный царедворец лишён имения и всех богатств, отошедших в казну, и приговорён к ссылке в город Берёзов, Тобольской губернии. Вместе с отцом в изгнание отправляется и Мария. В убогом сибирском остроге узнаёт княжна о свадьбе своего возлюбленного Сапеги с графиней Скавронской. «Сильное волнение произвело в ней горячку; открылась оспа; не было докторов в Берёзове и могли ли они помочь, когда душевная болезнь превышала телесную? <...> Мёрзлая земля, вырубленная несчастным отцом и служителями

его близ алтаря построенной им церкви, в десяти сажнях от берега Сосвы, приняли в недра свои бранные останки осьмнадцатилетней дочери Меньшикова: все жители Берёзова оказывали живейшее участие в его горести. И дикие остяки, смотря на общую печаль, проливали слёзы» [1, 123-124].

При несомненном внимании автора к моральной проблематике, финал произведения, в отличие от большинства ему подобных в жанровом отношении, далёк от традиций нравоучительного романа, где, как иронически писал А. С. Пушкин в третьей главе «Евгения Онегина», «при конце последней части всегда наказан был порок, добру достойный был венок...». В морально-этическом плане финал анализируемого нами романа неоднозначен и побуждает к раздумьям, ведь наказан и страдает не только алчный и властолюбивый Меньшиков, но, прежде всего, его ни в чём неповинная дочь, «дочь добродетельная, которая в кратковременное странствование своё совершила подвиг великий, достойный подражания – пожертвовала собой для успокоения виновника дней своих» [1, 124].

В отличие от традиционного романа, написанного по вальтер-скоттовскому канону, у Д. Н. Бантыш-Каменского все персонажи являются историческими лицами, чьи жизнеописания уже спустя несколько лет, в 1836 году, войдут в состав «Словаря достопамятных людей русской земли», главного произведения писателя и историка. Это сам всесильный Александр Данилыч Меньшиков, его жена княгиня Дарья Михайловна, дети временщика – княжны Мария и Александра, князь Александр Александрович Меньшиков, одна из самых зловещих героинь романа Варвара Михайловна Арсеньева, тётка княжны Марии, приложившая немало усилий к расстройству её брака с Сапегой. Перед читателями романа развёрнута целая галерея высших сановников государства, их видит княжна Мария, объявленная царской невестой, в приёмной правителя империи. Каждый из них снабжён краткой исторически-достоверной характеристикой, в целом же читатель получает возможность судить о расстановке политических сил и борьбе партий при русском дворе в период болезни и смерти Петра I, в недолгое царствование Екатерины I и первые месяцы правления Петра II. Так, к примеру, граф Фёдор Матвеевич Апраксин «ласков, обходителен со всеми; никто лучше его у себя не умеет угощать и, вряд ли найдётся вельможа любезнее его. Он известен морскими победами своими, спас Петербург от шведов, взял Выборг, изгнал неприятеля из всей Финляндии, держал в страхе Стокгольм, служил Царю и Отечеству радостным сердцем и чистою совестью» [1, 77], Государственный Канцлер граф Гаврило Иванович Головкин «чрезвычайно сведущ в делах дипломатических; но горд, коварен, скуп, корыстолюбив» [1, 78], фельдмаршал князь Голицын «перед боем, когда неприятель был слабее его, всегда уменьшал войско своё, не желая приобретать победу силою» [1, 79], Остерман «в запачканном готическом кафтане, весь в пудре и пуклях, скорчившийся прежде времени. Пётр Великий говорил об нём на смертном одре, что он лучше других министров знает истинную пользу Российского государства <...> Он никому не смотрит в лицо,

чтобы глаза ему не изменили, умеет делать их неподвижными, говорит и пишет всегда двусмысленно, обедает на серебряных блюдах, потерявших от нечистоты цвет свой и держит служителей в разорванной одежде» [1, 81]. Череду метких характеристик продолжают следующие: «князь Антиох Кантемир, сын Господаря Молдавского, большой сатирик <...> Даже монахам от него нет пощады» [1, 81], «Лев Васильевич Измайлов, лейб-гвардии Семёновского полка майор, известный посольством своим в Китай, умевший поддержать достоинство нашего Двора. Он въехал в Пекин, к чрезвычайному удивлению жителей, с обнажёнными палашами, отказался стать на колени перед тамошними министрами, подал в собственные руки семидесятилетнему Кань-Хи грамоту Петра Великого и получил от него в подарок соболью шубу, которую Император Китайский снял с себя» [1, 83-84]. Впечатление максимальной точности в плане исторической достоверности художественного повествования усиливают глубокие познания автора в области русской геральдики и генеалогии, дворянской табели о рангах, изобилие точно датированных исторических событий, о которых упоминается в ходе развития сюжета. Так, действие первой главы романа датировано 1724 годом, а последняя глава – 1729 годом, автор упоминает о взятии Меншиковым Батурина в 1708 году, а в 1717 году Пётр, вернувшись из-за границы, ввёл в придворный обиход ассамблеи, т.е. балы, 6 мая 1727 года на сорок четвёртом году от рождения скончалась императрица Екатерина. Максимально точно и подробно разъяснено географическое положение и климат места ссылки семьи Меншикова: «Город Берёзов находится от С.–Петербурга в 4-34 верстах, лежит под 63 градусом северной широты, на левом берегу реки Сосвы, впадающей в Обь, от устья в двадцати верстах; с одной стороны окружён речкой Вогулкою, а с другой буераком, по коему в весеннее время протекает речей в Сосву. Река сия течёт с нею почти в параллельной линии; между ними находятся в большой обширности низкие луга, которые ежегодно в полноводье потопляются, и только один северный берег Сосвы по своей вышине бывает неприкосновен» [1, 115]. Внимательное прочтение текста романа позволяет нам с уверенностью констатировать полное отсутствие в нём анахронизмов, которые традиционно встречаются в исторических романах того времени. Текст лишён малейших отступлений от исторической правды, «домысливания» или «дописывания» исторических ситуаций в угоду авторской фантазии, субъективных авторских комментариев поступков персонажей. Ослаблена и неприменная для исторических романов той поры авантюрная составляющая любовной линии романа – она ограничена двумя эпизодами тайных свиданий Марии Меншиковой и Петра Сапеги, расположенных в соответствии с принципом композиционной симметрии. Первый раз переодетая в мужское платье княжна и её возлюбленный встречаются на берегу Невы, чтобы, накануне долгой разлуки, признаться друг другу в любви. Вторая встреча, на этот раз в рубище нищего переодет граф Сапега, исполнена горьких упреков и сетований в адрес княжны, подчинившейся отцовскому произволу. Лишь

однажды писатель использовал традиционный для вальтер-скоттовского типа романа приём вещей снов и недобрых примет. Меньшиков, поражённый тяжкой болезнью видит мучительные сны: «Казалось мне, будто-бы я находился на корабле, который, после продолжительного плавания, разбит сильною бурей в мелкие куски; что выброшен волнами на неизвестный остров: там я видел две могилы, слышал погребальные песни, чувствовал, что меня опускают в мёрзлую землю, старался освободиться из тесного гроба, но доска давила меня более и более...» [1, 103-104].

Внимание автора к материальной и духовной культуре изображаемой эпохи приводит, скорее, не к воссозданию «местного колорита», а к обилию в тексте исторических деталей, иллюстрирующих реалии первой половины XVIII века. Источники такого рода информации нередко указаны в примечаниях к роману и свидетельствуют о кропотливой работе в архивах. Так, детальное описание убранства роскошного особняка Меньшикова «на Васильевском острове, там, где ныне первый Кадетский корпус», раззолоченной лодки, на которой вельможа причаливал «к Исаакиевской пристани, где ныне Сенат», дано со ссылкой на карманную книжку «Русской старины» за 1825 год.

Все эти особенности приближают роман «Княжна Мария Меньшикова» к произведениям так называемой беллетризованной историографии, историческим очеркам и жизнеописаниям, признанным мастером которых, наряду с Н. М. Карамзиным, М. А. Максимовичем, Н. А. Маркевичем, Н. И. Костомаровым, был и Д. Н. Бантыш-Каменский. В данном случае перед нами не просто занимательное произведение исторического беллетриста, а роман писателя-учёного, литератора-историка. Это иллюстрация того, сколь многими путями одновременно шло развитие и становление нового в русской литературе жанра исторического романа.

Литература

1. Бантыш-Каменский Д. Н. Княжна Мария Меньшикова / Бантыш-Каменский Д. Н. – М., 1833. – 124с.
2. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды / В. Белинский. Собр.соч. : в 3 т. – М. : Гос. изд-во худож. лит-ры, 1948. – Т. II. – 1948. – С. 5-67.
3. Ильин-Томич А. А. Д. Н. Бантыш-Каменский / А. А. Ильин-Томич // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. – Т. 1. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – С. 153-154.
4. Петров С. М. Русский исторический роман XIX века / Петров С. М. – М. : Художественная литература, 1964. – 439с.
5. Пушкин А. С. История русского народа, соч. Н. Полевого / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. : в 10 т. – М., 1956-1962. – Т. VI. – С. 34.

6. Пушкин А. С. Юрий Милославский или русские в 1612 году / А. С. Пушкин // Полн. собр. соч. : в 10 т. – М., 1956-1962. – Т. VI. – С. 40.
7. Щерблыкин И. П. Русский исторический роман 30-х годов XIX века : автореф. дис. на соискание научн. степени доктора филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / И. П. Щерблыкин. – М., 1973. – 52с.

Аннотация

В. Ю. Балабонкина. Роман Д. Н. Бантыш-Каменского «Княжна Мария Меншикова» в контексте русской исторической беллетристики 30-х гг. XIX века. В статье представлен анализ малоизвестного исторического романа, написанного известным историком того времени. Сделан вывод о том, что писатель, в отличие от многих своих современников, не следовал весьма популярным тогда канонам В. Скотта, используя прямо противоположные принципы художественного воплощения истории – верность историческим фактам, историческим деталям, отсутствие анахронизмов, вымышленных персонажей, ограничение авантюристичности в сюжетных событиях. Эти особенности сближают его роман с произведениями художественной историографии, историческими жизнеописаниями, которые приобрели популярность благодаря историографам-литераторам, к числу которых принадлежал и сам Д. Н. Бантыш-Каменский.

Ключевые слова: исторический роман, анахронизм, фактографичность, историческая деталь, авантюристичность, моральная проблематика, традиции.

Анотація

В. Ю. Балабонкіна. Роман Д. М. Бантиш-Каменського «Княжна Марія Меншикова» у контексті російської історичної беллетристики 30-х рр. XIX століття. В статті представлено аналіз маловідомого історичного роману, написаного відомим істориком того часу. Зроблено висновки про те, що письменник, на відміну від багатьох своїх сучасників, не наслідував дуже популярним тоді канонам В. Скотта, використовуючи прямо протилежні принципи художнього втілення історії – вірність історичним фактам, історичним деталям, відсутність анахронізмів, вигаданих персонажів, обмеження авантюристичності в сюжетних подіях. Ці особливості наближують його роман до творів художньої історіографії, історичних життєписів, які набули популярності завдяки історіографам-літераторам, до числа яких належав і Д. М. Бантиш-Каменський.

Ключові слова: історичний роман, анахронізм, фактографічність, історична деталь, авантюристичність, моральна проблематика, традиції.

Summary

V. U. Balabonkina. The novel “Princess Maria Menshikova” by D. N. Bantish-Kamensky in the context of Russian historical fiction of the thirties of the nineteenth century”. The analysis of the little-known historical novel, written by the famous historian in his time, is presented in the article. There is a conclusion that the writer did not follow Scott’s rather popular directions unlike his contemporaries. Instead of that he used the opposite principles of artistic history embodiment – correctness of historical facts and details, absence of anachronisms and invented characters, restriction on adventurism in plot events. These peculiarities connect the novel with artistic historical works, historical biographies, which became popular thanks to the historians-writers D. N. Bantish-Kamensky belonged to.

Key words: historical novel, anachronism, factography, historical detail, adventurism, set of moral problems, traditions.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати к.ф.н., доцентом кафедры зарубежной литературы Горловского государственного педагогического института иностранных языков Т. М. Марченко